

Николай УГАРИН

ХЛЕБОРЕЗ

(драма)

Действующие лица:

Верьялов – ефрейтор
Шабалин – рядовой
Капитан – командир роты
Белокопытов – сержант
Данилов – рядовой
Молодцов – рядовой
Бегунов – мл. сержант
Мустафа – рядовой
Тамара – прапорщик медслужбы
Оксана – мл. сержант медслужбы

Эта драма поставлена в Чувашском академическом театре в 1996 году. Спектакль под названием «Любовь солдата» был в репертуаре до 2000 года.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ.

1 КАРТИНА. Солдатская столовая: справа – хлеборезка, слева – кухня. В центре расположена входная дверь. Видны несколько длинных столов и скамеек? Входит капитан и направляется в хлеборезку.

КАПИТАН. Что, солдат, Устав забыл.

ВЕРЬЯЛОВ (выходит из хлеборезки). Виноват, товарищ капитан, задумался.

КАПИТАН. Прежде чем родиться надо было задуматься. Сейчас же не думать надо, а выполнять приказ. (Протирая пальцем стол.) Кругом пыль, почему не вытираешь? (Указывая в сторону хлеборезки.) А пол кто будет мыть? Отдыхать сюда приехал, бездельник?

ВЕРЬЯЛОВ. С утра все вымыл.

КАПИТАН. Разговорчики! Ну что ж, ефрейтор, в дальнейшем собираешься в моей роте служить? Я давно ждал тебя.

Входит Шабалин.

(Верьялову.) Сколько буханок разгрузил?

ВЕРЬЯЛОВ. Сто восемьдесят.

КАПИТАН (Шабалину). Дай сюда накладную.

ШАБАЛИН. Я её у начфина оставил.

КАПИТАН. В какое время? Дай сюда! (Шабалин вытаскивает накладную и дает капитану.) Где остальные двадцать?

ШАБАЛИН. Он неправильно считал.

КАПИТАН. Выверни карман.

ШАБАЛИН. Обижаете, товарищ капитан.

КАПИТАН (проверяет карманы Шабалина, достает деньги). Завтра машину передашь другому.

ШАБАЛИН. По пути с хлебoreзки у меня колесо лопнуло. Пришлось у гражданских одолжить, нулевку дали. Завтра должен расплатиться. Сами запарку не даете.

КАПИТАН. В прошлый раз я тебе что говорил?

ШАБАЛИН. В последний раз, товарищ капитан. Слово даю, больше не буду продавать.

КАПИТАН. Решил подзаработать?

ШАБАЛИН. Только ради дела.

Верялов уходит в хлебoreзку.

КАПИТАН (тихо). Ладно уж, сделаешь и для меня одно доброе дело. Я теперь один, жена уехала, накопилось много сухпайка, поможешь сбыть. Вижу, покупателей у тебя достаточно.

ШАБАЛИН. О чем речь! Все будет сделано, как прикажете.

ГОЛОСА. Бабы идут.

ШАБАЛИН (посмотрев в окно). Товарищ капитан, там и ваша. Позвать? (Выбегает.)

ГОЛОС. Закадрить бы одну.

ГОЛОС БЕГУНОВА. Смотри, так закадрит тебя Шабалин, мало не покажется.

ГОЛОС. Которая его, молодая? Мне и другая сойдет.

КАПИТАН (в сторону голосов). Вы что там галдите, девчат никогда не видели? А ну за работу!

ГОЛОС БЕГУНОВА. Вы что галдите, работайте. Девчат не видели?

Входят Шабалин, Оксана и Тамара. Из кухни выходит Бегунов.

БЕГУНОВ. О, какие гости... Оксана...

ШАБАЛИН. Исчезни, Бегунок.

БЕГУНОВ (Тамаре, шутливо отдавая честь). Товарищ прапорщик, дежурный по столовой младший сержант Бегунов.

ТАМАРА. Бегунок, перестань кривляться, хлеба дай быстрее.

КАПИТАН. Почему так спешат девчата?

ТАМАРА (про себя). И этот здесь. (Бегунову.) Автобус уходит, а дома хлеба нет.

БЕГУНОВ. Один или два?

ТАМАРА. Два, два! Разве не видишь сколько нас?
Не успели сегодня в магазин сходить.

ШАБАЛИН. Бегунок, я сам. Тебя на кухне ждут.

БЕГУНОВ. Может тебя?

ШАБАЛИН. Исчезни! Идем, Оксана, сама булочку выберешь.

ОКСАНА. Мне не надо, только Тамаре.

ШАБАЛИН. Для Тамары выберем. (*Берет Оксану за руку и ведет в хлеборезку. Верьялову.*) Убирайся!

ВЕРЬЯЛОВ (*выйдя, Оксане*). Здравствуйте.

ОКСАНА. Здравствуйте.

ТАМАРА (*заметив Верьялова*). О, у вас тут новые люди.

КАПИТАН. Тамара...

ТАМАРА. Откуда откопал этого красавца?

КАПИТАН. Тамара, нам бы поговорить. (*Хватает ее за руку.*)

ТАМАРА (*вырываясь*). В последнее время вы стали смелы, капитан.

КАПИТАН. Мне и вправду надо с тобой поговорить.

ТАМАРА. Оказывается мужиков надо крепко в узде держать. Чуть слабинку дашь, тут же нарываешься в сторону. Или дорога лучше в стороне или всадник послабее силой. Смотри, не разгонись, в болото угодишь.

КАПИТАН. Я уже по горло там, в болоте. Пора уж выбираться, чтоб спастись.

ТАМАРА. Вот как? Спасатель нужен? Не по адресу ты. Я не спасатель, а целитель.

Вбегает Мустафа.

МУСТАФА (*отдавая честь капитану*). Товарищ капитан, разрешите обратиться.

КАПИТАН. Что тебе?

МУСТАФА. Товарищ капитан, тебя комбат вызывает.

КАПИТАН. Не «тебя», а «вас» надо говорить.

МУСТАФА. Нет, не миня, а тебя вызывает.

КАПИТАН (*Тамаре*). Тамара, прошу тебя, дождись меня.

ТАМАРА. Хочешь что-то предложить? Опоздал, капитан, я сегодня занятая.

КАПИТАН. Тамара...

ТАМАРА. Товарищ капитан, вам бы не со мной связаться, а с той, кто почище да поласковее. Я баба, портящая репутации. Не по пути мне с вами. А вот с солдатами – другое дело.

КАПИТАН. Ты нарочно...

ТАМАРА. Иди, комбат не любит долго ждать.

Капитан идет к выходу.

МУСТАФА. Товарищ капитан, он тебя и Шабалина вызывает.

КАПИТАН. И Шабалина? (Верьялову.) Ефрейтор, зови его.

Верьялов открывает дверь хлебoreзки.

ГОЛОС ШАБАЛИНА. Закрой дверь!

ВЕРЬЯЛОВ. Тебя ротный зовет.

Из хлебoreзки выходят Шабалин и Оксана.

КАПИТАН (Шабалину). Сюда иди. (Шабалин подходит к нему.) Сегодня где ещё ты шлялся?

ШАБАЛИН. Нигде, товарищ капитан.

КАПИТАН. Тогда почему комбат нас обоих вызывает?

ШАБАЛИН. Товарищ капитан, за мной больше нет греха.

КАПИТАН. Смотри у меня. Пошли. (Уходит.)

ШАБАЛИН. Оксана, подожди меня, я скоро вернусь.

ОКСАНА. Нет, нам пора. Тамара, пойдем.

ШАБАЛИН. Пять минут подождете уж. Не спеши. (Пытается поцеловать Оксану, та противится.)

ТАМАРА. Иди, иди. Вот пристал.

ГОЛОС КАПИТАНА. Шабалин!

Шабалин уходит.

БЕГУНОВ (Оксане). Как поживает красавица? Почему убегаем?

ВЕРЬЯЛОВ. Бегунок, отстань от нее.

БЕГУНОВ. Ты вообще молчи. Иди, забирайся в свою конуру.

ВЕРЬЯЛОВ. Разве не видишь, она не желает с тобой говорить.

ТАМАРА. Бегунок, пока нет начальства, давай достань свои деликатесы.

БЕГУНОВ. Мне надо с Оксаной потолковать.

ТАМАРА. Со мной потолкуешь. Давай, не скупись.

БЕГУНОВ. Я скупой? Я бываю такой щедрый и ласковый с бабами, что они не устоят и хоп!.. Правда, Оксана?

ВЕРЬЯЛОВ. Отстань от неё!

БЕГУНОВ. Закрой свой рот, черпак!

ТАМАРА. Бегунок, идем скорее пока Моисей не вернулся.

БЕГУНОВ. А что я буду иметь взамен?

ТАМАРА. Смотря как расщедришься.

БЕГУНОВ. Сизый, открой свой склад!

Тамара и Бегунов уходят на кухню.

ВЕРЬЯЛОВ. Может у меня посидим?

ОКСАНА. Нет, я здесь подожду.

ВЕРЬЯЛОВ. Ты близко не принимай его слова, он нарочно, балуясь. Ты из лазарета?

ОКСАНА. Как догадался?

ВЕРЬЯЛОВ. В магазине я тебя не видел, на почте тоже. Остается только лазарет, я там ни разу не бывал.

ОКСАНА. И не следует туда попасть.

ВЕРЬЯЛОВ. Почему же? Я бы туда и лишний раз попал ради того, чтоб слышать голос твой.

ОКСАНА. Что особенно в моем голосе? Болею я, выпила холодное молоко. Или мой голос напоминает чей-то голос? Но голос по себе без слов ни о чем не говорит.

ВЕРЬЯЛОВ. Я не согласен с этим. В словах часто – ложь, ложь и пустота, а в голосе... Не по

словам, а по голосу можно определить что человек имеет за душой.

ОКСАНА. Может ты и прав, но не каждый прислушивается к голосу. Позови Тамару. (*Короткая пауза.*) Нет, не надо.

ВЕРЬЯЛОВ. Истина – в настоящем, прошлое же... Не было его, хочу чтоб не было. Только будущее манит, манит словно голос твой. И жить хочется.

ОКСАНА. Без прошлого нет будущего, они неотделимы, Хорошее там или плохое – они рядом. Как ни старайся – им не избавиться друг от друга.

ВЕРЬЯЛОВ. По твоему голосу можно понять какой тяжелый камень у тебя в душе.

ОКСАНА. И в твоей. Но ты не зря затеял этот разговор. Иль слышал что-то обо мне?

ВЕРЬЯЛОВ. Да нет, мне показалось. Может потому, что нет ни капельки улыбки на твоём лице.

ОКСАНА. Это не камень, а пушинка, агат, жемчуг, серебро...
(*Вытирает слезу.*)

ВЕРЬЯЛОВ. Серебро? От серебра ли текут по твоей щеке серебристые слезинки?

ОКСАНА. Передай Тамаре, я пошла. (*Идет к выходу.*)

ВЕРЬЯЛОВ. Постой! (*Оксана останавливается.*) Прости меня, кажется я тебя обидел.

ОКСАНА. Нет, ты не обидел. (*Уходит.*)

ВЕРЬЯЛОВ. Жаль, мне так хотелось еще тебя слушать. Я буду молить бога, чтобы еще раз встретиться с тобой. Боже, как она прекрасна и как грустна. А голос... Бывают же на свете совпадения.

Появляются Тамара и Бегунов. В руках у Тамары – набитая сумка.

ТАМАРА. Спасибо тебе.

БЕГУНОВ. Еще приходи. Ради тебя я готов на все.

ТАМАРА. Где Оксана?

ВЕРЬЯЛОВ. Ушла.

ТАМАРА. Ушла? Без меня? Бегунок, ты напугал ее.

БЕГУНОВ. А что недотрогой прикидывается.

ТАМАРА. Об этом необязательно говорить вслух.

БЕГУНОВ. Пардон, больше не буду. В воскресенье, если получу увольнительное, я тебя застаю дома?

ТАМАРА. Кто знает... (*Верьялову.*) Ты как, в будущее воскресенье пойдешь на увольнение?

БЕГУНОВ. Кто его отпустит? Он же – чмо!

ВЕРЬЯЛОВ. Это ты о себе?

БЕГУНОВ. Заткнись! А то сейчас же поползешь по-пластунски. Чмо ты, чмо, так и знай! И ты, и Молодцов, и Данилов – все вы чмошники!

ТАМАРА. Перестань, Бегунок!

БЕГУНОВ. Он меня кайфа лишил, занял в хлебобрезке мое место. Чмо!

Входят капитан и Шабалин.

ШАБАЛИН. Разве я виноват что у них хлеб вовремя не испекся?

КАПИТАН. Надо было в часть вернуться, а ты по городу...

ШАБАЛИН. Я только за куревом. Где Оксана?

ТАМАРА. Ушла.

ШАБАЛИН. Ушла?

ТАМАРА. Вот именно! Подружка называется, не смогла меня дождаться.

ШАБАЛИН. Бегунок, я тебе что говорил?

БЕГУНОВ. Жора, клянусь, я не трогал ее. Она с Верьялом осталась пока мы с Тамарой на складе... Мы вышли, она же вся в слезах... И ушла.

ШАБАЛИН (*Верьялову*). Он говорит правду?

ВЕРЬЯЛОВ. Я не обижаю слабых.

ШАБАЛИН. Смотри у меня, только положи на нее глаз... (*Уходит.*)

ТАМАРА. Жора, подожди, отвези меня на своей машине.

КАПИТАН. Тамара!

ТАМАРА. Нет уж, капитан, не получится у нас с вами разговор, раньше надо было думать.

КАПИТАН. Ты никогда не простишь меня? Теперь я...

ТАМАРА. Свободен, без жены, без детей – прямо как литёха молодой. Молодость вспомнил? Да, она

заманчива, особенно если есть кто манит, а потом...

КАПИТАН. Прости меня, я тогда не хотел, так получилось.

ТАМАРА (в гневе). Не хотел?! Но так сделал! Ну, хватит, довольно вспоминать, мне тошно от тебя. Прощай! (Уходит.)

КАПИТАН. Тамара!.. (Бегунову.) Для чего ты поставлен в наряд: отдыхать или работать?! Почему до сих пор ужин не готов? Бегом за работу! Распоясались они. Я из вас все соки выжму! Я возьмусь за вас! Буду гонять до седьмого пота, будете летать у меня! Бегом за работу!!!

Свет гаснет.

2 КАРТИНА. Казарма. На переднем плане – тумба дневального, рядом с ним тумбочка, на нем телефон. Слева – дверь в бытовку, рядом с бытовкой – умывальная комната, справа – дверь в сушилку. Напротив сушилки – канцелярия. Входит капитан.

КАПИТАН. Дежурный!

Прибегает Белокопытов, у него на рукаве повязка с надписью «Дежурный по роте».

БЕЛОКОПЫТОВ (отдавая честь капитану). Товарищ капитан, дежурный по роте сержант Белокопытов.

КАПИТАН. Вы что, сговорились? По очереди мне подножку ставите. Почему дневального нет на месте?

БЕЛОКОПЫТОВ. Дневальный!

Прибегает Данилов, у него на рукаве повязка с надписью «Дневальный по роте». Поднимается на тумбочку и отдает честь.

ДАНИЛОВ. Товарищ капитан, дневальный по роте...

БЕЛОКОПЫТОВ. Кричи «Смирно», тормоз.

ДАНИЛОВ. Рота, смирно!

КАПИТАН. Ни единого порядка в роте. (Уходит в канцелярию.)

БЕЛОКОПЫТОВ (Данилову). Еще раз слезешь с тумбочки... Затяни пояс! Встань как следует! (Бьет Данилова по животу и уходит по коридору).

ДАНИЛОВ (пригнувшись от боли). Мартышка... (Проходит Молодцов.) Вовчик, погоди. (Молодцов останавливается.) Ну, как у тебя дела? Закрыли дело? Прокурору не передали?

МОЛОДЦОВ. Передадут, если еще раз сбегу.

ДАНИЛОВ. Ты что, еще раз хочешь сбежать? Смотри у меня, тогда я тебя сам собственноручно угроблю.

МОЛОДЦОВ. Мне в другую часть перевестись бы.

ДАНИЛОВ. Думаешь в другой части лучше? Стукач! Не надо было застучать, взял бы все на себя – никто бы и не тронул.

МОЛОДЦОВ. У тебя крем есть?

ДАНИЛОВ. Знаешь мою тумбочку? Вытащишь сундучок, засунешь руку до конца... Найдешь там.

Молодцов уходит по коридору. Входит Шабалин, Данилов отдает ему честь. Шабалин проходит, но тут же возвращается к Данилову.

ШАБАЛИН. Ну, сколько до приказа?

ДАНИЛОВ. Пятьдесят шесть.

ШАБАЛИН. Сними пилотку.

Данилов снимает пилотку, Шабалин пальцем щелкает его по голове.

ДАНИЛОВ. Пятьдесят пять.

ШАБАЛИН. Больше никогда не ошибись. (Увидев проходящего Молодцова.) А ты не смей больше мне на глаза попадаться. (Молодцов убегает.) Из-за таких и на дембель вовремя не уйдешь, Ненавижу слабых. Никогда таким не будь. (Идет дальше по коридору.) Ну что, суки, не ждали меня?

МОЛОДЦОВ (осторожно возвращается). Щетку подай.

ДАНИЛОВ (достает из тумбочки щетку и кидает Молодцову). Держи.

ГОЛОС КАПИТАНА. Дневальный!

ДАНИЛОВ. Дневальный по роте, на выход! (Короткая пауза.) Дневальный!!!

Идет Мустафа, у него на рукаве повязка с надписью «Дневальный по роте».

МУСТАФА. Что кричишь? Слышу, уши есть. (Уходит в канцелярию и быстро выходит.) Товарищ сиржант! Товарищ сиржант! (Идет Белокопытов.) Товарищ сиржант, тибя карифан зовет.

БЕЛОКОПЫТОВ. Какой еще карифан?

МУСТАФА. Наш карифан. Рота карифан. Кипитан карифан.

БЕЛОКОПЫТОВ. Тоже мне нашел себе карифана. Ну, Мустафа... *(Уходит в канцелярию.)*

МУСТАФА. Кто тут грязно делал? Ты что, слепой, Данил? Отойди, я тумбочка встану, ты возьми тряпка и пол протри.

ДАНИЛОВ. Ты дневальный, ты и протри.

МУСТАФА. А ты не дневальный? *(Указывая на повязку Данилова.)* Что написано? Дневальный по рота, написано. Протри!

ДАНИЛОВ. Будешь много болтать, возьму и уйду. Тогда и на тумбочке будешь стоять, и пол будешь протирать.

МУСТАФА. Мустафа чисто любит, Мустафа пакость тряпка руки не пачкает. Данил ходит – грязно делает, а Мустафа будет мыть?

Возьми тряпка! *(Сталкивает Данилова с тумбы и сам встанет.)*

ДАНИЛОВ *(сталкивает Мустафу с тумбы и сам встает)*. Сам возьми!

МУСТАФА. Ты меня толкаешь? Меня?

ДАНИЛОВ. Да, тебя.

МУСТАФА. Я тебя за это...

Мустафа и Данилов дерутся, Белокопытов выходит из канцелярии.

БЕЛОКОПЫТОВ. Что за драка? Отставить!

МУСТАФА. Товарищ сиржант, Данил не слушается. Грязно делает, чисто не делает. Я тумбочка встану, протри сказал. Я тумбочка встал, он не протирает.

БЕЛОКОПЫТОВ. Почему не слушаешься, Данил?

ДАНИЛОВ. Кто он такой чтобы надо мной командовать? К тому же я не в наряде и не буду выполнять его обязанности.

БЕЛОКОПЫТОВ. В армии нет слова «не буду».

ДАНИЛОВ. По Уставу его приказы для меня...

БЕЛОКОПЫТОВ. В штаны засунь свой Устав. Здесь мой устав. Когда я в наряде, ни один солдат без дела не сидит. Что-то ты в последнее время много на себя берешь. *(Сбивает с Данилова пилотку.)* Пилотку правильно ставь! А подворотничок каков? Почему новую не пришиваешь?

ДАНИЛОВ. Сами меня на тумбочку...

БЕЛОКОПЫТОВ. Разговорчики! Теперь меня слушай. Сейчас пойдешь в хлеборезку и попросишь у Верьялова булку хлеба, сахар и большой кусок масла. Скажешь для себя. Понял?

ДАНИЛОВ. Я не голоден.

БЕЛОКОПЫТОВ. Я у тебя не спрашиваю голоден ты или нет. Я спрашиваю: ты меня понял?

ДАНИЛОВ *(принужденно)*. Понял.

БЕЛОКОПЫТОВ. Бегом. *(Данилов идет к выходу.)* Постой! Как угодно проси, но чтобы через две минуты хлеб был здесь.

МУСТАФА. Товарищ сиржант, ему никто не даст. Давай я схожу. Он пусть тумбочка встанет.

БЕЛОКОПЫТОВ. Он пойдет. *(Заметив проходящего Молодцова.)* Молодцов, постой, ты когда родился?

МОЛОДЦОВ. В январе.

БЕЛОКОПЫТОВ. Нет, ты не в январе, ты сегодня родился, третьего августа. Понял?

МОЛОДЦОВ *(склонив голову)*. Понял.

БЕЛОКОПЫТОВ. Скажешь что у земы, Молодцова, день рождения, пусть выдаст. Мы здесь чай заварим. Бегом! Одна нога здесь, другая там. Постой! Без хлеба лучше не возвращайся. *(Данилов уходит. Мустафе.)* Не прислоняйся! Молодцов, ты когда родился?

МОЛОДЦОВ. Третьего августа.

БЕЛОКОПЫТОВ. Молодец, свою фамилию оправдываешь. Дай сюда щетку и крем.

МУСТАФА. Он не мой, Данилова.

БЕЛОКОПЫТОВ. Ну и что?

Молодцов дает щетку и крем Белокопытову. Идет Шабалин.

ШАБАЛИН *(Молодцову)*. Ты все еще здесь, перед моими глазами? Исчезни мигом! *(Молодцов убегает.)* Белый, мне сегодня надо уйти.

БЕЛОКОПЫТОВ. Хочешь драпануть к своей Оксане? Не в мое дежурство, Жора.

ШАБАЛИН. Никто не узнает.

БЕЛОКОПЫТОВ. Ротный сегодня как бешенный. Завтра сходишь.

ШАБАЛИН. Я не могу до завтра ждать. Приготовь чучело в постель класть.

БЕЛОКОПЫТОВ. В следующий раз меня с собой возьмешь, будет чучело.

ШАБАЛИН. Что, не можешь потерпеть до дембеля?

БЕЛОКОПЫТОВ. Тебе же тоже невтерпёж.

Друг друга хлопают по плечу. Белокопытов хлопает Шабалина рукой, которая со щеткой. У того х/б измажется кремом.

ШАБАЛИН (заметив грязь на плече). Белый, ты что, нарочно? Ну что ты наделал?

БЕЛОКОПЫТОВ. Извини, совсем забыл про щетку. Кто мне ее оставил?! (Кидает щетку.)

ШАБАЛИН. Как я теперь пойду к бабе в этом?

БЕЛОКОПЫТОВ. Извини, братан, сейчас все устрою: и постирают, и погладят.

ШАБАЛИН. Не будь ты дедом, знаешь что бы я с тобой сделал?

БЕЛОКОПЫТОВ. Да будет тебе! Я же извинился.

ШАБАЛИН. До отбоя не успеют, с тебя сниму.

БЕЛОКОПЫТОВ. Молодцов!

ШАБАЛИН. Да ну его! Меня еще раз хочешь с ним столкнуть? Он и так у меня вот здесь сидит. (Указывает на горло.)

БЕЛОКОПЫТОВ. Не бойся, после губы он поумнел.

МОЛОДЦОВ (идет, отдает честь Белокопытову). Товарищ сержант, рядовой Молодцов по вашему приказанию прибыл.

БЕЛОКОПЫТОВ. Ну как, Молодцов, ещё раз ноги сделаешь?

МОЛОДЦОВ. Нет.

БЕЛОКОПЫТОВ (Шабалину). Слышал? Сейчас он примерный солдат. После губы мы с ним по душам поговорили. Только, наверно, почки немного побаливают, да?

МОЛОДЦОВ. Болят.

БЕЛОКОПЫТОВ. А челюсть?

МОЛОДЦОВ. Тоже.

БЕЛОКОПЫТОВ. И у меня ноги ноют. Из-за тебя не мало пришлось по оврагам бегать. Теперь меня слушай. Сейчас возьмешь вот это (Дает Молодцову

х/б Шабалина.), пойдешь вон туда и быстренько как следует выстеришь, чтобы был как новенький. Иди. (Молодцов стоит на месте.) Ну что стоишь?

ШАБАЛИН. Или не хочешь? Ты мне отказываешь? Смотрите-ка на этого чмошника, он мне отказывает. Дома с мамкой в обнимку спал, а теперь привезли его сюда и он корчит из себя мужика. Чмырь поганый! Ну посмотрите на него, ненасытного. Хлеба мало досталось ему! Мало жрал, когда разгружал, да еще в карман напихал, чмо. Бегом стирать, иначе самого в бак засуну, чтоб поумнел.

БЕЛОКОПЫТОВ. Исчезни быстрее. (Провожает Молодцова в умывальную комнату.)

ШАБАЛИН. Устал я, Белый, ох как устал. До дембеля в дисбат не угодить бы. Как бы сдержать себя.

БЕЛОКОПЫТОВ. Да, осторожность – не помеха.

ШАБАЛИН. Но помехой стал новенький, хлебак. Откуда откопали его? Почему комбат в хлеборезку именно его поставил, а не Бегунка? Не с проста же.

БЕЛОКОПЫТОВ. Что, выносить мешает?

ШАБАЛИН. Заметил – попридержи язык.

БЕЛОКОПЫТОВ. И ротному он не по душе.

ШАБАЛИН. Да и он не виноват. Просто я не терплю тех, кто встал на моем пути. Эй, гитарист, где ты?! Возьми гитару и пой. Пой про дом родной, про маму пой. (Уходит по коридору.)

БЕЛОКОПЫТОВ (открыв дверь умывального). Как выстеришь, зайдешь в бытовку и высушишь утюгом. Долго не думай, иначе челюсть и до дембеля не поправится.

Из канцелярии выходит капитан.

МУСТАФА (кричит). Рота, смирно!

БЕЛОКОПЫТОВ. Что ты орёшь, болван! Он же не с улицы...

КАПИТАН. Ну и дневальный у тебя. Дай ты ему Устав, пусть вызубрит свои обязанности.

МУСТАФА. Товарищ капитан, я из уважения к тебе готов каждый раз команду «Смирно» давать.

КАПИТАН. Мне ни к чему твое уважение, Устав соблюдай. *(Уходит по коридору.)*

БЕЛОКОПЫТОВ *(отдавая книжку)*. Вот возьми Устав и читай. Пока не выучишь назубок, с тумбочки не слезешь. Что головой мотаешь, читать не умеешь?

МУСТАФА. Мустафа читать умеет, Мустафа понимать не умеет.

БЕЛОКОПЫТОВ. Надоеет стоять, не только читать, но и понимать научишься.

МУСТАФА. Товарищ сиржант...

БЕЛОКОПЫТОВ. Кажись я слово тебе не давал.

МУСТАФА. Давай вместо этого я тебе спляшу. *(Пляшет на тумбе.)*

БЕЛОКОПЫТОВ. Ну, Мустафа, с тобой не соскучишься. Ну как на него руку подымешь, а? Смирно! *(Мустафа окаменеет.)* Вольно. *(Мустафа снова начинает плясать.)* Вольно! *(Мустафа снова окаменеет.)* Вольно я сказал.

МУСТАФА. Эх, сиржант, совсем не по-нашему ти.

Входит Данилов.

БЕЛОКОПЫТОВ *(Данилову)*. Где хлеб?

ДАНИЛОВ. Не дал.

БЕЛОКОПЫТОВ. Получше бы просил.

ДАНИЛОВ. Просил же.

БЕЛОКОПЫТОВ. Сказал бы, что день рождения справляем.

ДАНИЛОВ. Я так и сказал.

БЕЛОКОПЫТОВ. Может ты настучал ему, а? Говори, настучал?

ДАНИЛОВ. Обижаете, товарищ сержант, я...

БЕЛОКОПЫТОВ. Ну, Верьял... Что он за человек, и земляков обижает.

ГОЛОС КАПИТАНА. Почему эта койка неправильно заправлена? Бегунов, когда ты научишь своих солдат койки заправлять?

ГОЛОС БЕГУНОВА. Ну, Верьял... Эй, духи, подъем! Разберите все койки и заново заправляйте. Бегом!

Идет капитан.

МУСТАФА. Рота...

БЕЛОКОПЫТОВ. Да заткнись ты!

КАПИТАН (*Белокопытову*). Все в порядке?

БЕЛОКОПЫТОВ. Будет... порядок. (*Капитан уходит. Данилову.*) Встань на тумбочку.

ДАНИЛОВ. Товарищ сержант...

БЕЛОКОПЫТОВ. Я непонятно сказал?

МУСТАФА (*спускаясь с тумбы*). Встань сказано, встань. Старших надо слушаться, читай Устав.

Данилов поднимается на тумбу.

БЕЛОКОПЫТОВ. Мустафа, сходи, посмотри чем занимается Молодцов.

МУСТАФА (*сходив в умывальную*). Стирает, старательно стирает.

Белокопытов уходит по коридору.

ДАНИЛОВ. Мустафа, встань-ка на тумбочку.

МУСТАФА. Ещё чего!

ДАНИЛОВ. На минутку только.

МУСТАФА. Я Устав и так знаю.

ДАНИЛОВ (*приоткрыв дверь умывальной*). Вовчик, ты чьё х/б стираешь? Ты соображаешь что делаешь?

ГОЛОС МОЛОДЦОВА. Мне домой охота.

ДАНИЛОВ. Ты нам подножки ставишь.

ВЕРЬЯЛОВ (*входит*). Ты почему на тумбочке?

ДАНИЛОВ. Белый взбесился.

ВЕРЬЯЛОВ. Не и что?

ДАНИЛОВ. Ничего! Зря ты зажал, пусть подавятся.

ВЕРЬЯЛОВ. Думаешь им хлеб нужен? Не хлеб, а я им нужен. Но им таким макарон до меня не добраться. Со мной можно иметь дело, но только на равных.

ДАНИЛОВ. Искалечат они тебя, инвалидом сделают.

ВЕРЬЯЛОВ. Чему быть, того не миновать. Слазь с тумбочки.

ДАНИЛОВ. Санёк, я боюсь. Не за себя, а за тебя боюсь.

ВЕРЬЯЛОВ. Страх и губит нас. Не бойся боли, а бойся собственного страха. Дневальный! (*Подходит Мустафа.*) Встань на тумбочку.

МУСТАФА. Данил, ты почему слез?

ВЕРЬЯЛОВ. Много не болтай, встань на место.

Мустафа встает на тумбу.

ДАНИЛОВ. Может не стоит связываться?

ВЕРЬЯЛОВ. Я первым не начну, если же они начнут, то... Где Моисей?

ДАНИЛОВ. В дежурке. За что он тебя ненавидит?

ВЕРЬЯЛОВ. Есть причина. Курево есть?

ДАНИЛОВ. Ты же не куришь.

ВЕРЬЯЛОВ. Дай одну.

ДАНИЛОВ (*дает сигарету*). На, Мальборо.

Идет Белокопытов.

БЕЛОКОПЫТОВ. Это еще что за фигня? Кто вам разрешил здесь курить?

ВЕРЬЯЛОВ. А кто здесь курит? Мы еще не курим.

БЕГУНОВ (*появляется*). Из-за чего шум?

БЕЛОКОПЫТОВ. А ну марш! на улицу. (*Хватает Верьялова за рукава*).

ВЕРЬЯЛОВ. Руки!.. (*Белокопытов убирает руку*.)

БЕГУНОВ. Смелый, малый. Глядите на него как грудь выпятил, словно амбразуру хочет закрыть. А глазами как сверлит, можно подумать, что никого не боится.

БЕЛОКОПЫТОВ. Скоро угомонится и голова склонится.

БЕГУНОВ. Ну, когда же ты нас угостишь? Надо бы обмыть новую должность. Или тебе хлеба жаль, масла, сахара? Примерный парень, служит по Уставу. Дай закурить. (*Данилов предлагает ему сигарету.*) Я не у тебя, а у него просил.

ДАНИЛОВ. Я вместо него даю.

БЕГУНОВ. Я такую не курю. (*Берет пачку сигарет и кидает.*)

Идет Шабалин, в руке у него сушка.

ШАБАЛИН. Почему больше трех собрались? Что выясняем?

БЕГУНОВ. Любуемся новым хлеборезом.

ШАБАЛИН. Не выйдет из него хлеборез.

ДАНИЛОВ. Ребята, обмоем, конечно. Вот деньги получим и...

БЕГУНОВ. А ты за него не отвечай, тебя не спрашивают. Иди под кубрик.

ДАНИЛОВ. Зачем ссориться из-за пустяков, вместе же служить.

ШАБАЛИН (*Верьялову*). Слушай, что ты за человек, а? Слишком гордый что ли?

БЕГУНОВ. Может он голоден, может ему сушку предложить? (*Берет у Шабалина сушку и предлагает Верьялову.*) На, угощаем. Что, не нравится?

БЕЛОКОПЫТОВ. А он брезгует нашей едой.

БЕГУНОВ. От души угощаем, ешь.

БЕЛОКОПЫТОВ. А он не привык без масла хавать.

ШАБАЛИН. Хочешь служить в нашей роте, делай как мы говорим. Видишь перед тобой сержант стоит, а ты всего лишь ефрейтор. Сержанта надо слушаться.

БЕГУНОВ. Ешь, Верьял, ешь. (*Сует сушку Верьялову в рот.*)

ВЕРЬЯЛОВ (*выдернув сушку*). Спасибо. (*Хочет пройти дальше.*)

БЕГУНОВ (*преградив ему путь*). Минуточку! Мы хотим чтобы ты при нас ел, а не тайком, как в хлеборезке.

Верьялов укусит сушку.

ШАБАЛИН. Молодец, послушный малый. Вот так жить можно.

БЕЛОКОПЫТОВ (*приоткрыв дверь умывальной*). Закончил? Марш! в бытовку и высуши горячим утюгом.

Из умывальной выходит Молодцов, у него в руках мокрое х/б.

ШАБАЛИН. Постой. почему плохо выжал?

МОЛОДЦОВ. Хорошо выжал.

ШАБАЛИН. Хлебак, ты же силен, выжми.

МОЛОДЦОВ. Я сам.

БЕЛОКОПЫТОВ. Дай Верьялу.

БЕГУНОВ. Верьял, мы ждем.

ДАНИЛОВ. Утюгом все высохнет.

БЕЛОКОПЫТОВ. Ты опять здесь? *(Прогоняет Данилова.)*

ВЕРЬЯЛОВ. Белый, по твоему плану я еще что должен делать?

БЕЛОКОПЫТОВ. За кого ты меня принимаешь?

ВЕРЬЯЛОВ. Молодцов, бросай х/б на пол.

ШАБАЛИН. Что-о-о?

БЕГУНОВ. Интересно-интересно. Ну-ну, дальше...

ВЕРЬЯЛОВ. Бросай, говорю. В холуя хочешь превратиться?

БЕЛОКОПЫТОВ. Молодцов, если бросишь, тебе конец.

БЕГУНОВ. Молодцов, бросай, не твое же.

ШАБАЛИН. А ты не трави. Сними свое х/б и брось.

БЕЛОКОПЫТОВ. Молодцов, кто твой командир?

МОЛОДЦОВ. Сержант Белокопытов.

БЕЛОКОПЫТОВ. Все слышали? Сержант Белокопытов. Чей приказ ты должен выполнять? Своего командира. Дай х/б Верьялову.

ВЕРЬЯЛОВ. Молодцов, бросай говорю!

ШАБАЛИН. Только брось - убью.

БЕГУНОВ. Бросай, Молодцов.

ДАНИЛОВ. Товарищ сержант, да будет вам...

МОЛОДЦОВ. Прости, Верьял, я не могу быть на твоей стороне. Я виноват перед ним. После разгрузки хлеба я отломил и вынес кусочек. А когда поймали, сказал что с его разрешения. Хлеб был очень вкусный, как домашний. Я виноват. Я на губе каждый день о нем думал. Из-за него же я оставил часть. Он правильно сделал что избил меня. Пока я был в бегах, он жил в ожидании, что я настучу на него. Я не настучал, всю вину взял на себя, просил прощения. Про побои – ни слова. Хотя все знали кто меня тогда избил. Верьял, прости меня. Ты хочешь меня другим видеть, но я не могу быть другим. Меня родители с детства... И ты прости. *(Падает на колени перед Шабалиным.)*

ВЕРЬЯЛОВ. Перед кем ты опустился на колени?! Встань! *(Поднимает Молодцова и бьет, тот врежется о косяк двери и роняет х/б.)*

ШАБАЛИН. Ну, Верьял, готовь себе могилу.

БЕЛОКОПЫТОВ *(в сторону)*. Вы что там собрались? Бегом под кубрик!

ШАБАЛИН. Братаны, проучим хлебака?

ВЕРЬЯЛОВ. Что, боишься идти один на один?

ШАБАЛИН. С кем? С тобой?

ВЕРЬЯЛОВ. Со мной.

ШАБАЛИН. Сам не мочись в штаны. Оказывается ты слишком высокого мнения о себе.

ВЕРЬЯЛОВ. Нет, я просто не позволю издеваться над собой.

БЕГУНОВ. Жора, дай ты его мне, я за всех его проучу.

ШАБАЛИН. Нет, я сам. *(Кидается на Верьялова. Дерутся.)*

БЕЛОКОПЫТОВ. Только не здесь, в сушилку идите.

БЕГУНОВ. Отдубась его как следует, Жора.

Некоторые уходят в сушилку.

ДАНИЛОВ. Белый, останови их. Ты начал, ты и останови.

БЕЛОКОПЫТОВ. Кто сказал, что я начал? А ну иди сюда.

Входит капитан.

МУСТАФА. Рота, смирно!

БЕЛОКОПЫТОВ *(отдавая честь)*. Товарищ капитан, дежурный по...

КАПИТАН. Что за шум?

БЕЛОКОПЫТОВ. Верьялов...

КАПИТАН. Опять Верьялов? *(Идет в сушилку.)* Что это значит?! Отставить! Ефрейтор Верьялов! Кому говорят!.. *(Выталкивает Верьялова из сушилки.)*

ВЕРЬЯЛОВ. Шли бы вы знаете куда?

КАПИТАН. Ну я тебя за эти слова... Молокосос! *(Белокопытову.)* Дай команду «Рота строиться».

БЕЛОКОПЫТОВ. Рота, строиться! (*Солдаты встают в строй.*) Рота, равняйся, смирно! Товарищ капитан, по вашему приказанию рота построена. Дежурный по роте сержант Белокопытов.

КАПИТАН. Вольно.

БЕЛОКОПЫТОВ. Рота, вольно!

КАПИТАН. Смирно!

БЕЛОКОПЫТОВ. Рота, смирно!

КАПИТАН. Ефрейтор Верьялов! Не слышу!

БЕЛОКОПЫТОВ (*Верьялову*). Ты что, язык проглотил?

ВЕРЬЯЛОВ (*Белокопытову*). Сгинь с глаз.

КАПИТАН. Ефрейтор Верьялов!

ВЕРЬЯЛОВ. Я.

КАПИТАН. Не слышу!

ВЕРЬЯЛОВ. Я!

КАПИТАН. Ефрейтор Верьялов, рядовой Шабалин, выйти из строя! (*Верьялов и Шабалин выходят из строя.*) Вы, товарищи, в последнее время слишком распустились. В роте никакой дисциплины. Запомните, наша часть – образцовая воинская часть. Поэтому здесь вам никто не позволит нарушать уставные взаимоотношения. Ефрейтор Верьялов нашел в хлеборезке тепленькое место и наглеет как может. Ему и сержант – не сержант, и офицер – не офицер. (*Верьялову.*) Зачем усы отпустил? Почему пуговица плохо пришита? (*Дергает за пуговицу, та отлетает. Верьялов пригибается.*) «Смирно» команда была! Я тебя, сопляк, поставлю на место. (*Заметив Молодцова.*) Это еще что за явление? Ты кто?

МОЛОДЦОВ. Рядовой Молодцов.

КАПИТАН. Что за вид у тебя? Кто избил? Я с тобой разговариваю: кто избил? (*Верьялову.*) Верьялов, твоя работа? Или смелости не хватает признать свою вину? Сильно разукрасил он тебя. Болит?

МОЛОДЦОВ. Нет.

КАПИТАН. Почему врешь? Хочешь ему сдачи дать? Ну что стоишь, жалеешь его? Он же тебя не пожалел.

МОЛОДЦОВ. Он меня не бил.

КАПИТАН. Кто же?

МОЛОДЦОВ. Сам упал.

КАПИТАН. Опять врешь? Выгораживаешь тех, кто избивает тебя? Так ты за ложные показания можешь в дисбат угодить. Белокопытов, отправь его в лазарет. *(Шабалину.)* А ты встань в строй. *(Верьялову.)* Ну, Верьялов, нажрался хлеба с маслом? А может попросишь прощение? Проси, я люблю прощать.

ВЕРЬЯЛОВ. Быстрее на губу отправьте.

КАПИТАН. Ты меня не учи! *(Поднимает трубку телефона.)* «Гранит»... «Гранит», ёлки!... Что, заснули там? Дай комбата. *(Пауза.)* Что? Трубку не берет? *(Ложит трубку. Подходит к Верьялову.)* Белокопытов, запри его в сушилку, пусть посидит до утра. Разойдись!

Солдаты расходятся.

БЕЛОКОПЫТОВ *(Верьялову).* Пошли. *(Уводит Верьялова в сушилку. Через некоторое время выбегает.)* Товарищ капитан, он упал. Кажется ему голову проломили.

КАПИТАН. Прикидывается.

БЕЛОКОПЫТОВ. Не думаю. Может в лазарет отправить?

КАПИТАН. Отправь тогда, только с сержантом.

Свет гаснет.

3 КАРТИНА. *Лазарет. Процедурный кабинет: столик для инструментов, кушетка, ширма. Тамара и Оксана заканчивают последние дела и собираются уходить. Слышны скрип двери и топот сапог.*

ТАМАРА. Не дадут нам сегодня уйти. (Открыв дверь.) Почему в сапогах прошли?! А ну снимите быстро! Вам здесь не казарма.

ГОЛОС ВЕРЬЯЛОВА. Виноват.

ТАМАРА (выходит). О, хлебак... Тебе можно и в сапогах пройти. Ты и так парень что надо, а с фингалами и пуще на мужика похож. Пройди в процедурную. Сержант, ты можешь идти. А, знаю, знаю, дай ручку. А ты, парень, следуй за мной.

ВЕРЬЯЛОВ (входит). Добрый вечер.

ОКСАНА. Ты? Вчерашний разговор оказался вещим, сегодня же сюда попал. Если б не говорил, остался бы здоровым. Сильно болит?

ВЕРЬЯЛОВ. Нет, рядом с тобой я не чувствую боли.

ОКСАНА. Я же не волшебница.

ВЕРЬЯЛОВ. Для меня может и волшебница.

ОКСАНА. Присядь.

ВЕРЬЯЛОВ. Сначала ты сядь.

ОКСАНА. Я же не больная.

ВЕРЬЯЛОВ. Кажется я забыл где нахожусь.

(Садится.)

ОКСАНА. С кем дрался?

ВЕРЬЯЛОВ. Можно не ответить?

ОКСАНА. Воля твоя. Только эта рана?

ВЕРЬЯЛОВ. Не знаю.

ОКСАНА. Челюсть в порядке?

ВЕРЬЯЛОВ. Кажется да.

ОКСАНА. А кости?

ВЕРЬЯЛОВ. Своим ходом дошел.

ОКСАНА. Почки?

ВЕРЬЯЛОВ. Целы.

ОКСАНА. Голова? Ой, здесь у тебя кровь.

Ложись.

ВЕРЬЯЛОВ. Что?

ОКСАНА. Ложись на спину, раны обработаю.

ВЕРЬЯЛОВ. Может не стоит?

ОКСАНА. С ранами не шутят. Ложись, мне так удобнее. Руки вот так полож. Не дергайся. Обычно солдаты как только до них дотронешься, сразу начинают дергаться. То ли от боли, то ли...

ВЕРЬЯЛОВ. Просто они месяцами не видят женщин, вот и нежничают.

ОКСАНА. Мне кажется причина в другом.

ВЕРЬЯЛОВ. В чем же?

ОКСАНА. В ласковом общении. Вы же в части, как звери в клетке, грозитесь друг с другом. Собака тоже, которая в цепи гораздо злее, чем на воле. Здесь же солдаты чувствуют себя несколько свободнее, вот и ноют.

ВЕРЬЯЛОВ. Я не стану ныть.

ОКСАНА. Как звать тебя?

ВЕРЬЯЛОВ. Сашкой.

ОКСАНА. А меня Оксаной.

ВЕРЬЯЛОВ. Я знаю.

ОКСАНА. Откуда?

ВЕРЬЯЛОВ. Вчера в столовой многие упоминали твое имя.

ОКСАНА. А ты не слушай их. Они могут рассказать и о том, чего вообще и не было.

ВЕРЬЯЛОВ. Я прислушиваюсь только к твоему голосу.

ГОЛОС ТАМАРЫ. Поаккуратней ты! Зачем пролил?!

ВЕРЬЯЛОВ. Она не так ласка, как ты.

ОКСАНА. Чтоб вас в руках держать, и такие нужны.

ВЕРЬЯЛОВ. Ты же...

ОКСАНА. Я так не могу.

ВЕРЬЯЛОВ. Ты не грубая – это так, но и не веселая. Кто-нибудь обидел?

ОКСАНА. Нет, такая уж есть. (*Закончив перевязку.*) Спусти брюки.

ВЕРЬЯЛОВ. Зачем?

ОКСАНА. Укол сделаю.

ВЕРЬЯЛОВ. Может не стоит?

ОКСАНА. Укола боишься?

ВЕРЬЯЛОВ. Да нет. Просто перед тобой... (*Кивает головой в сторону выхода.*) Может она сделает?

ОКСАНА. Меня стесняешься?

ВЕРЬЯЛОВ. Неудобно как-то.

ОКСАНА. Не стесняйся, спусти.

ТАМАРА (*входит*). Ты что, парень, как баба раздумываешь спустить аль нет. Раз мужик, быстренько спусти и действуй. Видишь, у Оксаны аж руки дрожат.

ОКСАНА. Тамара, не говори глупости, он и так стесняется.

ТАМАРА. Стесняется? Драться то не постеснялся. Знала бы с кем дрался он. Что, кровь остыла, солдат? (*Смеясь уходит.*)

ОКСАНА (*смущаясь, после паузы*). Засучи рукава.

Верьялов засучивает рукава, Оксана ему делает укол в руку.

ВЕРЬЯЛОВ. Твои руки действительно дрожат.

ОКСАНА. Тебе показалось.

ВЕРЬЯЛОВ. Спасибо.

ОКСАНА. За что? За то, что больно сделала?

ВЕРЬЯЛОВ. Все равно спасибо. *(Долго смотрит на Оксану.)*

ОКСАНА *(заметив его взгляд, после паузы)*. Не смотри так.

ВЕРЬЯЛОВ. Твой голос, твои жесты, твоя походка... Вот ты здесь, рядом. Люби, ласкай, целуй, прижми к себе с великой страстью и слушай с упоением как бьется твое сердце. Сколь велика любовь, столь велики страдания.

ОКСАНА. Любовь зла, хоть и сладка. Она опасна, и счастья не видать.

ВЕРЬЯЛОВ. То, что ты рядом – это уже счастье.

ОКСАНА. Его не удержишь, как ни старайся.

ВЕРЬЯЛОВ. Вместе удержим. Будь моей. Будем вместе впрямь.

ОКСАНА. Это сон.

ВЕРЬЯЛОВ. Нет, не сон, а истина. Дай руку.

ОКСАНА. Не верится, что ты... Что я...

ВЕРЬЯЛОВ. А ты поверь. Поверь и тогда станет легче.

ОКСАНА. Нет, мне так пуще тяжко. Зачем же встретила тебя я.

ВЕРЬЯЛОВ. Не сожалею о встрече, подойди ко мне, дай мне силы.

ОКСАНА. Ты и так силен.

ВЕРЬЯЛОВ. В тебе моя сила.

ОКСАНА. Молчи, не говори ничего. Я не в состоянии тебя больше слушать. Голова кружится, воздуха не хватает. Не чувствую и вечернюю прохладу. Будь я волшебницей, не выпустила бы тебя из своих объятий. Не скрою, и я ждала тебя. Хотелось хоть издалека еще раз на тебя взглянуть. Думала: пусть заболит и придет. Нет, я не хотела, чтоб ты болел, мне просто хотелось к тебе прикоснуться. Вот и коснулась, но... Но я не властна над собой! Мне страшно.

ВЕРЬЯЛОВ. Страшно? Почему?

ОКСАНА. Потому что... Нет, не уходи. Что мне другие?! Что мне страх, когда ты рядом?! Прочь сомнения! Я достойна счастья! Я больше не могу... *(Обнимает Верьялова.)*

ТАМАРА (входит). Надоели эти раны. Оксана, пойдём, поможешь. Что здесь у вас происходит?

Пауза. Оксана выбегает, следом уходит и Тамара. Через некоторое время входит Молодцов.

МОЛОДЦОВ. Что бы я ни делал, все делаю не так. Хочу чтоб всем было хорошо, но мои действия для других как подножка. Все получается наоборот. Кто со мной связывается, тому обязательно плохо станет. Почему, Верьял?

ВЕРЬЯЛОВ. По другому ты принимаешь жизнь.

МОЛОДЦОВ. Может не я, может вы по другому принимаете ее? Может ее надо принимать так, как я понимаю?

ВЕРЬЯЛОВ. Но не здесь, не в армии, к сожалению. Доброта, душевность, совесть, сострадание – не в каждом эти качества. Сильно попало тебе?

МОЛОДЦОВ. Терпимо.

ВЕРЬЯЛОВ. Ты прости меня. Я просто не хочу, чтоб кто-нибудь унизил и растоптал нашу честь.

ТАМАРА (входит, Молодцову). А ты что здесь делаешь? Кто разрешил тебе сюда войти? Выйди! (Молодцов уходит.)

ВЕРЬЯЛОВ. Где Оксана?

ТАМАРА. Она там.

ВЕРЬЯЛОВ. А ты...

ТАМАРА. Что – я? Я перед тобой.

ВЕРЬЯЛОВ. Вижу.

ТАМАРА. Мало видеть. Ложись.

ВЕРЬЯЛОВ. Еще один укол?

ТАМАРА. Да.

ВЕРЬЯЛОВ. Если не лягу?

ТАМАРА. Я приказываю.

ВЕРЬЯЛОВ (идет к выходу). Я к Оксане.

ТАМАРА (резко стаскивает Верьялова на кушетку). Успеешь. Ложись. (Обнимает и целует Верьялова.) Будь горячим не только в драке, но и в любви.

ВЕРЬЯЛОВ (освободившись). Нет.

ТАМАРА (зло). Нет? На Оксану глаз положил? Что ты с ней сделал, до сих пор не может успокоиться.

Она не для тебя. Расскажу все Шабалину, он тебя поставит на место. Может пренебрегаешь меня? Или я тебе противна? Я для тебя здесь... Уходи! С глаз долой! Подумал, видно, что подстилка. Больно нужен ты мне! Тоже мне чистюля. Прочь! (*Верьялов уходит.*) Их жалеешь, лечишь, ухаживаешь за ними. Тебя бы кто-нибудь пожалел. Ни одного порядочного солдата нет. Сильные сюда и не попадают. Если и попадают, то только те, кто не по зубам, никак не расколоть.

Врывается Оксана.

ОКСАНА. Тамара, отправь этого парня в госпиталь, пока Жора не нагрязнул. Он с ним дрался, мне тот сказал.

ТАМАРА. У него не та рана, чтоб в госпиталь отправить.

ОКСАНА. Тогда сама уйду. Завтра не жди меня, послезавтра тоже, пока он не выпишется. Скажешь заболела, на отгуле, что угодно скажешь - я не приду.

ТАМАРА. Что с тобой, влюбился что ли?

ОКСАНА. Еще вчера, в столовой.

ТАМАРА. Узнает Шабалин - вам обоим не сдобровать.

ОКСАНА. Знаю, потому и боюсь. Я не властна над собой! Все, что в нем есть, нравится мне и манит. Стоит мне потерять над чувствами контроль - и я в его объятиях. Это беда, я знаю. Но за миг счастья против своей воли я не удержусь и...

ТАМАРА. Ты потеряла голову. (*Раздраженно.*) Он ни чем не отличается от других.

ОКСАНА. Ты бы видела его глаза.

ТАМАРА. Нашла о ком страдать. Просто разыгралась мужская страсть, вот и сверкал глазами.

ОКСАНА. Нет, совсем не поэтому. В его глазах совсем иное. Некоторых ребят с первого взгляда можно определить, что таится в их душах. У этого же... Меня тянет к нему...

ТАМАРА. Ты же его совсем не знаешь. Был бы хорош, не ввязался бы в драку.

ОКСАНА. Он здесь, рядом, стоит открыть дверь и... Но железные засовы не двигаются, заржавели. Почему же в жизни так: с желанным человеком не сойтись?

ТАМАРА. Ну и денек сегодня. Рабочий день давно кончился, мы все еще здесь торчим. За сверхурочные никто не платит. Пойдем скорее.

Собираются уходить, но в это время врывается Шабалин еле переводя дыхание.

ШАБАЛИН. Где хлебак?

ТАМАРА (сердито). Что, и здесь драться собираешься? В роте мало показалось? Ты смотри у меня!

ШАБАЛИН. До сих пор в роте никто не смел меня тронуть, он первым поднял руку.

ТАМАРА. Видать, мало досталось, сильнее стоило околотить.

ШАБАЛИН. Шабалина не легко сломать. (Собирается выйти.)

ТАМАРА. Только тронь его – сразу позвоню. (Идет вслед за ним.)

ШАБАЛИН. Стой где стоишь!

ТАМАРА. Не командуй! Тут тебе не казарма!

ШАБАЛИН (спокойно). Не бойся, не трону. Скажу пару слов и... (Выходит.)

ОКСАНА. Он его ударит.

ТАМАРА. Думаешь тот позволит?

ОКСАНА. Надо их остановить.

ТАМАРА. Ты что не видел каким он сюда ворвался?

ОКСАНА. Боюсь я.

ТАМАРА. За кого? За того? Бойся за себя.

ОКСАНА. Что же хочет ему сказать Шабалин?

ТАМАРА. «Шабалин»? Если ты его называешь по фамилии, то в того точно втюрилась. Мне бы так влюбиться еще раз.

ШАБАЛИН (входит). Оксана, пошли в ординаторскую.

ОКСАНА (испуганно). Жора, не надо.

ШАБАЛИН. Быстрее, у меня мало времени.

ОКСАНА. В другой раз, Жора.

ШАБАЛИН. Хватит упираться!

ОКСАНА. Жора, ради бога, прошу тебя, пожалей меня!

Шабалин хватает Оксану и тащит за собой. Тамара пытается помочь, но разъяренный Шабалин утащит Оксану. Оксана кричит, умоляет.

ТАМАРА. Мерзавец, скотина... Вот с такими и приходится работать. Ну как тут не потеряешь женственность?!

ВЕРЬЯЛОВ (вбегает). Я слышал голос Оксаны. Где она? Шабалин увел?

ТАМАРА. Не вмешивайся, все равно у тебя ничего не выйдет.

Верьялов выбегает. Слышно как он стучит, пинает в дверь.

ГОЛОС ВЕРЬЯЛОВА. Открой дверь, Шабалин! Не трогай ее! Давай вдвоем поговорим. Меня бей, ее не трогай. Открой, гоблин! Открой, мартышка! Открой, чмырь!

ВЕРЬЯЛОВ (вбегает в комнату). Дай ключ, он запер изнутри. Дай ключ!

ТАМАРА. Сказано не вмешивайся. Это все равно в твоих интересах. Он все равно тебе Оксану не отдаст.

ВЕРЬЯЛОВ. Дай ключ, иначе дверь взломаю!

ТАМАРА. Нет у меня.

ВЕРЬЯЛОВ. Ты меня мстишь. Но ради нее... Вы же подруги.

ГОЛОС ОКСАНЫ. Жора, остановись! Нет! Нет!

ВЕРЬЯЛОВ. Убью!!! (Выбегает.)

Слышно как ломают дверь, потом грохот. Тамара выбегает.

ГОЛОС ТАМАРЫ. Эй, солдат, что с тобой? Эй, кто-нибудь! Помогите.

Молодцов и Тамара заносят Верьялова и уложат на кушетку.

МОЛОДЦОВ. Что с ним?

ТАМАРА. Кажется сознание потерял. Теперь выйди.

МОЛОДЦОВ. Он мой земляк.

ТАМАРА. Ну и что? (*Молодцов выходит, Тамара проверяет пульс Верьялова.*) Эх вы, не жалеете себя. Разве так можно? Служили бы себе спокойно, нет же, каждый желает жить по своему уставу.

Пауза. Слышен скрип двери и топот сапог. Через некоторое время входит Оксана, она обессилена.

Он потерял сознание.

Оксана подходит к Верьялову, опускается на колени, обнимает его и плачет.

Ну что теперь осталось от вашей-то любви? Разве что слезинка, только и всего.

Свет гаснет.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

4 КАРТИНА. Вид третьей картины. Здесь Тамара одна. Входит Верьялов.

ВЕРЬЯЛОВ. Можно?

ТАМАРА. Входи. Собирайся, тебя выписываем. Скоро за тобой придут.

ВЕРЬЯЛОВ. Оксана с тех пор вообще не приходила. Не знаешь причину?

ТАМАРА. Приболела она.

ВЕРЬЯЛОВ. Интересно, кто же придет за мной? Лишь бы не офицер.

ТАМАРА. Ты что, к Оксане собираешься?

ВЕРЬЯЛОВ. Я должен ее видеть. После той драки мне все равно не видать увольнительного.

ТАМАРА. Оставь Оксану! Она не кукла. Деритесь с Шабалиным сколько душе угодно. Можете сводить счеты или прощение просить – дело ваше. Оксану же оставь в покое, она не принадлежит тебе.

ВЕРЬЯЛОВ. Кому же? Кому она принадлежит, Шабалину? Я отомщу ему. Не за себя, а за Оксану. Если желает со мной расквитаться, пусть со мной

поговорит. Почему Оксану трогать? Из-за меня эту бедную, беззащитную...

ТАМАРА. Откуда только ты свалился на ее голову. Не появись ты, все было бы по-старому.

ВЕРЬЯЛОВ. И после этого?

ТАМАРА. И после этого. А какая от тебя польза? Ты её только губишь, от твоего добра люди плачут. Думаешь ей легче станет, если пойдешь к ней и объяснишься? Этим ты еще больше причинишь ей боль. Она ведь тебя... Да что толку от вас?! Пока вы здесь, мы для вас лишь куклы для забавы. Наступит дембель – нас якобы и не было. Для утешения и нужны мы вам. И слова – пустые звуки, только ложь, нет искренности вовсе.

ВЕРЬЯЛОВ. Но не все же такие. Ты думаешь, что девушки все искренни? Сейчас я имею в виду ни тебя, ни Оксану. Я про другую. До армии так крепко дружишь, столько теплых слов друг другу говоришь. Провожая сюда клянутся в верности, столько слез, обещаний, а потом... Пройдут каких-нибудь полгода и письмо получишь: «Прости, я выхожу замуж» и так далее, и тому подобное...

ТАМАРА. Тебя твоя баба обманула и теперь решил отыгаться на Оксане?

ВЕРЬЯЛОВ. Нет. Когда я в столовой увидел Оксану, ее голос мне напомнил о своей девушке. Вначале я даже подумал: не она ли? Это как волшебство: надежда и действительность сошлись в одном. И какое сходство! Только в голосе – страдание и горе. Уста говорят об одном, а голос – о другом. Слова просят мириться с действительностью, а в голосе мольба, сожаление, страдание, возмущение. Я не верю, что и моя девушка вышла по любви. Он ее изнасиловал так же как Шабалин и... Если б тогда не потерял сознание, точно бы убил его.

Входит Оксана, она еле переводит дыхание.

ОКСАНА. Кажется успела.

ТАМАРА. Оксана, зачем пришла?

ОКСАНА. Мне надо ему кое-что сказать.

ТАМАРА. Добром не кончится это у вас.

ВЕРЬЯЛОВ. Оксана...

ОКСАНА. Не говори ничего, я чувствую что ты хочешь сказать. Не надо меня жалеть. Но речь не обо мне. Ты скоро вернешься в роту и поспешишь встретиться с Шабалиным. Я чувствую что происходит у тебя внутри, ты хочешь отомстить ему.

ВЕРЬЯЛОВ. Он не должен был с тобой так поступить.

ОКСАНА. Я так и думала. Но, Саша, прошу тебя, не тронь его.

ВЕРЬЯЛОВ. Что?

ОКСАНА. Вы оба сильные, в то же время ненавидите друг друга. И это не кончится пока один другого... Жора он таков, что не терпит перед собой никаких преград. У него своя правда, у тебя своя. Ты же умный, оставь его в покое. Один из вас попадет либо в дисбат, либо... Я сама виновата, всю вину беру на себя. Я... Я... *(Плачет.)*

ВЕРЬЯЛОВ. В чем твоя вина? В том, что попала под горячую руку? Ты невиновна. Он пришел со мной расквитаться, но у него ничего не вышло и всё зло выпустил на тебе. Ты сейчас очень взволнована, напугана, поэтому и прощаешь. Но я не могу простить. За себя бы простил, но за тебя...

ТАМАРА. Делай как Оксана просит. Она знает что говорит.

ВЕРЬЯЛОВ *(Тамаре)*. Тебе легко так говорить. Но что бы ты сделала на моем месте, если другой над твоим любимым человеком надругался?

ТАМАРА. Любимый человек... Временно все это у тебя, потом пройдет, забудешь ты её.

ВЕРЬЯЛОВ. Нет, не временно и не пройдет.

Входит капитан.

КАПИТАН. Вот вы где. Ну что, герой, довольно тебе в постели валяться. Собирайся.

ВЕРЬЯЛОВ. Я готов.

КАПИТАН. Переоденься и жди меня на улице.

ВЕРЬЯЛОВ. Оксана, может проводишь?

КАПИТАН. Что, Оксана теперь с ним?..

ТАМАРА. Тебе какое дело. *(Собирается выйти.)*

КАПИТАН *(остановив ее)*. Пстой! На сей раз ты так быстро не уйдешь от меня.

ТАМАРА. Товарищ капитан, вы кажется забыли где находитесь.

КАПИТАН. Нет, не забыл. Но тебя не отпущу, пока не поговорим.

ТАМАРА. О чем же хочешь ты глаголить?

КАПИТАН. О нас с тобой.

ТАМАРА. Я о тебе итак все знаю. Хочешь меня обсудить? Пожалуйста! Что тебе интересует: сколько мужиков я меняю за неделю? Да ежедневно. С кем сплю? Да с разными, особенно люблю с солдатами. Где? Где удастся, там и отдаюсь.

КАПИТАН. Перестань.

ТАМАРА. Что, соскучился по бабе после того, как жена бросила? Тогда пришел по адресу. А что ты можешь предложить? Или ты не слышал, что я за так не отдаюсь? Если с солдатами я пересплю ради удовольствия, то с офицерами – лишь ради выгоды. Если хочешь знать, то и квартиру заимела этим же путем. Ты же – до сих пор в общежитии. И ты мог давно квартиру получить, отпустил бы на ночь свою жену...

КАПИТАН. Тамара...

ТАМАРА. Ну что стоишь? Предложи что-нибудь. Ах, совсем забыла, у меня же теперь все есть, мне ничего не нужно.

КАПИТАН. Не смейся надо мной. Можешь ругать меня, оскорблять, бить, если тебе от этого станет легче, но не смейся.

ТАМАРА. Почему бы не смеяться, если так много смешного в этой жизни. Зачем ругаться, злиться, ежели жизнь – всего лишь игра. В детстве мы играем с игрушками, а во взрослой жизни – друг с другом. Но здесь есть разница: игрушки бездушны, а у человека есть душа. Но слишком увлеченные игрой не замечают этого.

КАПИТАН. Ты безжалостно мне мстишь.

ТАМАРА. Я? Тебе? Может не я? Может ты сам себя?

КАПИТАН. Виноват, знаю. Твои страдания тогда длились миг, а мои изо дня в день, и так все десять лет.

ТАМАРА. Какой миг?! О чем ты?! Ты смеешь издеваться надо мной?! Из-за того мгновенья я пала, подстилкой стала, сама себе противна стала, и слезы не помогут. Ты растоптал всю мою жизнь. Когда твоя жена узнала, что я вот такая стала, видно, полетела на седьмое небо. А ты оправдывался, мол, хорошо что на ней не женился. Ты не страдал, ты радовался вместе с ней. Теперь уйди, видеть тебя не могу.

КАПИТАН. Прости меня. Тогда я совершил ошибку, но можно же её исправить.

ТАМАРА. Нет, нельзя, рана слишком глубока.

КАПИТАН. С отказом не спеши. Я не забыл тебя, я ждал этого дня. Может и жена из-за этого и покинула меня.

ТАМАРА. Что, мне от этого легче? Уходи. Прошное не вернуть. Или я уйду.

КАПИТАН. Не волнуйся, уйду. Но я все равно буду ждать тебя. До встречи.

Капитан уходит. Тамара тихонько рыдает.

Свет гаснет.

5 КАРТИНА. Рота. Кубрик: двухъярусные кровати, тумбочки, табуретки. Идет Шабалин, он взволнован. Падает на кровать. Не поднимая голову, бьет кулаком подушку. Потом оборачивается и лежит

неподвижно. Через некоторое время приходит Верьялов и бьет ногами его кровать.

ВЕРЬЯЛОВ. Встать! (*Шабалин лежит неподвижно.*) Встать, сука! Кому говорят?!

ШАБАЛИН (*спокойно*). Бей. Сильнее бей. Только не койку, а меня бей.

ВЕРЬЯЛОВ. Встать! Посмотри мне в глаза! В глаза посмотри, когда с тобой разговаривают!

ШАБАЛИН. Бей, бей пока я разрешаю. Что болтаешь без толку? Ты же пришел меня бить, вот и бей. Вот он я, перед тобой лежу и не противлюсь. Бей сколько душе угодно. Бей, говорю! Бей!!!

Резко вскакивает и хватает Верьялова за грудь, тот изо всех сил бьет его, Шабалин падает.

Теперь исчезни. Исчезни с моих глаз.

ВЕРЬЯЛОВ. Нет, я никуда не уйду. Я все время буду тебе напоминать о твоих злодеяниях. И за столом чтоб тебе тошно стало, и во сне чтоб кошмары снились. А увидев меня, чтобы ты себя почувствовал убийцей.

ШАБАЛИН. Я никого не убивал.

ВЕРЬЯЛОВ. А Оксану? Вдобавок Молодцова?

ШАБАЛИН. Я их не убивал.

ВЕРЬЯЛОВ. У них душа убита.

ШАБАЛИН. В этом не только моя, но и твоя вина. Если бы ты не встал на моем пути, все было бы по-прежнему.

ВЕРЬЯЛОВ. Другими словами, как бы ты хотел. Смотрите-ка этого всемогущего, все должны жить по его законам. А что в его законах? Этого уничтожить, этого возвысить, над этим надругаться, этому оказывать почет. Все должны жить, как того хочет Шабалин. Никто не может жить по-своему. Потому что Шабалин силен, всё может и никто не боится. Он – идеальный человек. Он самый правдивый во всем батальоне. А спросил ли ты себя, достоин ты быть идеалом?

ШАБАЛИН. Я не говорил, что я – идеал.

ВЕРЬЯЛОВ. Но так думаешь.

ШАБАЛИН. Да, потому что не хочу быть как Молодцов, такие сами себя губят. В то же время не хочется подражать и тебя, потому что не для сегодняшнего дня ты родился. Тебе бы родиться чуть пораньше. Сегодня же ты всем мешаешь, хотя сам этого и не чувствуешь. Видимо ты вырос в интеллигентной семье.

ВЕРЬЯЛОВ. Чтобы быть порядочным, необязательно расти в интеллигентной семье.

ШАБАЛИН. Детство у тебя прошло в достатке, был всем обеспечен. При желании мог и от призыва отвертеться. Ведь мог? *(Верьялов молчит.)* А у меня что? Моей семье ни от старой, ни от новой жизни не легче. Мы там, где нищета, преступления, скандалы, несправедливость. Меня с детства били. Я с детства завидовал тем, кто хорошо одевается, вкусно питается. Тогда я стал бороться, без этого никак нельзя было. Начал с отца. Не хотел, чтобы этот пьянчуга мать избивал и на него руку поднял. А руку поднимать только вначале трудно, а потом пошло-поехало. Становится привычным и руку поднимать, и воровать, и врать. Призывали в армию, мне и здесь уготована та же участь. Но я не сломался, потому что чувствую свою силу. Что, я хуже других? Почему я должен быть обделен? Почему Оксана должна стыдиться такой жизни? Ты во мне видишь преступника. Да, я у солдат отнимаю хлеб, масло, сахар. С каждого стола по кусочку. Они от этого не обеднеют, даже не замечают вовсе. Если все куски собрать вместе, только тогда заметно, имеет вес. Ты думаешь я их себе беру? Если хочешь знать, я себе ничего не оставляю. Может маленько на водяру иногда. А всю выручку от продажи отдаю тому человеку, кого судьба обидела.

ВЕРЬЯЛОВ. В то же время за этот хлеб других избиваешь.

ШАБАЛИН. Я его не за хлеб, тебе это известно.

ВЕРЬЯЛОВ. В этом ты оправдал себя. А за Оксану? И здесь ты можешь оправдать себя?

ШАБАЛИН. Оксана – другое дело. Я виноват перед ней, но так будет лучше для нее же. Я тогда изнасиловал ее, чтобы спасти ее же от тебя.

ВЕРЬЯЛОВ. Какой абсурд. Ты выжил из ума.

ШАБАЛИН. Да, чтобы от тебя спасти. Я ее прекрасно понимаю, и ее чувства тоже, потому что знаю ее не первый день. Она из-за тебя голову потеряла, ты тоже. Допустим я исчезну из вашей жизни и вы останетесь вдвоем. Пройдут дни, месяцы. Она тебе всю душу отдаст без остатка, ну а ты... Ты же ее узнаешь поближе и скажешь «до свидания». Тебе никогда не понять ее, потому что тебе не пришлось испытать на себе то, что она испытала. Мы же с ней на одной лодке. Хотя эта лодка не очень прочная, если врежется о камень, тут же рассыпится. Но на берег мы все равно выплывем. Когда мы рядом – мы прекрасно плывем.

ВЕРЬЯЛОВ. Ты за меня не отвечай. Ты ничего не знаешь обо мне.

ШАБАЛИН. То, что ты стараешься быть честным и порядочным человеком, дает мне догадаться обо всем остальном.

ВЕРЬЯЛОВ. После того случая Оксана ни разу не появилась в лазарете. Ты не видел её?

ШАБАЛИН. Она была в общаге. Я сходил к ней, но она меня не впустила, даже дверь не открыла.

ВЕРЬЯЛОВ. Перед другими ты растоптал ее честь, а она тебя же защищает. Говорит: не тронь его, не тронь. Защищает своего насильника, врага. Почему?

ШАБАЛИН. Сирота она, детдомовская.

ВЕРЬЯЛОВ. Сирота? Тогда она тем более должна избегать тебя, сама же... Почему она тебя защищает? Чем ты привлекаешь её?

ШАБАЛИН. Силой.

ВЕРЬЯЛОВ. Силой? Но твоей грубой силой нельзя привлечь.

ШАБАЛИН. Можно. Вот и ты привлекаешь меня силой, более того – смелостью. Будь ты слабак, я и разговаривать с тобой не стал бы. Все меня боятся, ты не побоялся. Чем больше ты мне противишься, тем больше я тянусь к тебе. Нет, не ради того, чтобы

тебя уничтожить. Будь я уверен, что твои силы неиссякаемы, я бы приложил все силы тебя даже возвысить над собой. При этом в себе нашел бы силы принять себя счастливым, но... Я тебя знаю только по фамилии. Прости, конечно, но как звать тебя?

ВЕРЬЯЛОВ. Сашкой.

ШАБАЛИН. А меня Жорой. Сашка, скажи без утайки, нравится тебе Оксана?

ВЕРЬЯЛОВ. Ну и вопрос.

ШАБАЛИН. Забыв про все что было, ответь мне: нравится она тебе?

ВЕРЬЯЛОВ. Без утайки, говоришь? Нравится. Без утайки нравится. И что из этого теперь, когда ты ее...

ШАБАЛИН. Когда наступит дембель, заberi её с собой.

ВЕРЬЯЛОВ. Что? Что ты сказал?

ШАБАЛИН. Я хочу, чтобы она была счастлива. Здесь же она пропадет, погубят её. Здесь вначале многие к ней приставали, но я отнял её у всех. Правда дорогой ценой. Бывало возвращался весь в крови. Не мало и на губе сидел за самоволку. Но я добился своего: спас её от других, она стала только моей. Теперь отдаю её тебе. Правда она не девочка, но душа чиста. Заберешь её с собой? Хватит у тебя силы принять её такой, какая есть? Дай слово и тогда я больше никогда к ней не пойду. Я бы и сам взял её с собой, и люблю её, но счастливой не сделаю. Злой я, в пылу теряю над собой контроль, даже убить могу. А ей нужна спокойная жизнь. На грубость она насмотрелась и в детдоме, и здесь. Ну что поделаешь: за себя не может постоять. Вот и сей раз я насильовал её перед любимым человеком, притом безжалостно. Она умоляет, противится, а я... Её глаза... Её глаза бы ты видел в тот момент, слышал бы её голос! К тому же ты там барабанишь в дверь, кричишь. Меня бросает в дрожь, когда вспоминаю этот день. Я её насильую, а она лежит и плачет. Плачет как березка, срубленная весенним днем. А плакала она от обиды, что не смогла ради тебя сберечь себя. Дашь слово

увезти и оберегать её? (Пауза.) Молчишь? Или не уверен в себе? Может слово «нравится» – всего лишь пустой звук? Не то что нравится, может она тебе противна даже?

ВЕРЬЯЛОВ. Прекрати...

ШАБАЛИН. Не уверенному же в себе я не отдам её. Если пропадет, то пусть со мною вместе. Если суждено увидеть счастье, будем вместе счастьем наслаждаться. Но не отдам тебе. Прочь! (Быстро уходит.)

Свет гаснет.

6 КАРТИНА. Вид третьей картины. Здесь Тамара одна, она вне себя. Входит Оксана.

ТАМАРА. Ты где была?

ОКСАНА. Рапорт написала.

ТАМАРА. Ну и дура. Сама себя ты губишь.

ОКСАНА. По другому я не могу.

ТАМАРА. Рапорт она написала. Что даст это тебе? Облегчение? Усложняешь всё – и только.

ОКСАНА. Пусть будет трудно, пусть страдаю. Коль не суждено мне видеть счастье, надо смириться с этим.

ТАМАРА. За всё виновен твой хлебак. Свалился на твою голову. Добра, видишь ли, он тебе желает. Одни неприятности от его добра.

ОКСАНА. По-настоящему в первый раз влюбилась. Но вместо того, чтобы наслаждаться ею, мне приходится бежать от неё. Кругом зло, ненависть, страсть мщения и среди них – луч света ясных глаз. В них – спасение, но не для меня. Из-за работы и комнатки в общежитии сюда устроилась. Устроилась и... (Плачет.)

ТАМАРА. Хватит. Перестань... Нашла о ком плакать. Увидел в тебе свою девицу, вот и сверкал глазами. Он и сам сказал, что в твоём голосе слышал её голос. Говорит с тобой, а в мыслях с другой. Это не любовь, а обман. Сами себя обманываете, вот и все. Сейчас дурманит твою голову, а когда наступит дембель, уедет и о тебе не вспомнит.

ОКСАНА. Мне было бы легче, если это был обман. Тогда бы не стыдилась своего позора. Но это не обман, а любовь.

ТАМАРА. Забудь его. Ты же сама себя губишь. Жора тебя все равно никому не отдаст. Если даже вырвешься из его рук, вернет к себе. Вот он действительно любит, я это понимаю. Вот у него – любовь. Пусть другая, не такая, как у того, но вечная. Он не смотрит и на твой позор, и на то, что другого любишь – все равно любит. Какая ты есть, такую любит. Зря ты настрочила рапорт. Тебе от него не отделаться, сколько ни пиши на него рапорт.

ОКСАНА. Знаю, поэтому и уезжаю. Не на него я написала рапорт, а на себя, чтобы уехать.

ТАМАРА. Уехать? Куда?

ОКСАНА. Не знаю. Не важно куда, лишь бы отсюда подальше.

ТАМАРА. От кого убегаешь, от Жоры? Он тебя везде найдет, ты это прекрасно знаешь. Может от хлеборежа? Если так, тогда спеши. Но ты бежишь не от него. Да, да, не от него, а от меня. Говори, от меня бежишь?

ОКСАНА. Что ты? Зачем мне от тебя бежать?

ТАМАРА. В том, что с тобой здесь произошло, по твоему виновна я. И за Жору, и за других.

ОКСАНА. Нет.

ТАМАРА. Наверно думаешь: не будь ты подстилкой, и ко мне бы никто не приставал, мол, ты способствовала этому. Не от солдат и не от позора, а от меня бежишь ты!

ОКСАНА. Перестань! Ты для меня как сестра родная.

ТАМАРА. Но у тебя нет оснований меня обвинять. Как хочу, так и буду жить – никто мне не указ! Я никого не подбивала на дурное. Ты сама могла отвести все беды, здесь армия. Стоило тебе сказать, что доведешь до комбата, никто бы тебя не тронул. Не смей меня винить. Не смей!

ОКСАНА. Я обвиняю лишь себя.

ТАМАРА (причитая). Может благодаря этим ребятам я и живу на этом свете. Если бы не эти солдатики, которые исстрадались без женской ласки, я бы давно концы отдала. Может ими я и утешаюсь. А может у меня и нет иного счастья. Может я давным-давно вынесла себе приговор. А ты меня за это обвиняешь.

ОКСАНА. Побывала бы ты на моем месте.

ТАМАРА (успокоившись). Зачем мне быть на твоём месте? Я на твоём месте ещё десять лет тому назад была. Думаешь я всегда такая была, недостойная любви? И я любила, и меня любили. Если б тогда жила сегодняшним умом! Отбили моего Моисея. Близкая подруга, она работала на твоём месте, заведомо зная что мы любим друг друга, отдалась ему и отняла его у меня. А он, дрянь, паскуда, не удержался и... В день их свадьбы я хотела покончиться с собой. Но в тот момент то ли своими намерениями, то ли услышав плачь, ко мне вошёл один солдатик и спас от дурной мысли. Тогда и я дала волю своим чувствам. Подумала, если он там с другой, почему я не могу быть с другим. После этого пошло-поехало: с одним, с другим, а потом ещё, ещё... Теперь же, когда жена ушла, опять за мной ухлёстывает. Та чистая Тамара не нужна была ему, теперешняя, грязная понадобилась. А я, если раньше и любила, теперь же не могу. Остыло сердце, исстрадалось, внутри пустота. Гуляющая теперь я! Несчастные девчата мы с тобой. (Обнимает Оксану и плачет.)

ШАБАЛИН (входит). Наконец-то.

ТАМАРА. А вот и твой.

ШАБАЛИН. Оксана, хватит в прятки играть. Тамара, выйди.

ТАМАРА. Ты тут не командуй, сам убирайся.

ШАБАЛИН. Мне надо с ней поговорить наедине.

ОКСАНА. Я не желаю с тобой говорить.

ШАБАЛИН. Тебе есть что мне сказать. В твоей душе накипела злоба на меня, ты проклинаешь меня. Не держи все это в себе, а выбрось на меня. Вот он

я, перед тобой стою. Ругай, оскорбляй, бей, можешь и убить – противится не стану.

ТАМАРА. Зачем ты сюда пришел? Хочешь её в могилу загнать?

ШАБАЛИН. Знаю, я виноват. В ваших глазах я выгляжу последним негодяем. Но я по другому не мог, я любил тебя и сейчас люблю. Ну а ты из-за этого новичка стала меня сторониться. Казалось ты вот-вот окажешься в его объятиях, а мне не хотелось потерять тебя.

ТАМАРА. Эгоист ты.

ШАБАЛИН. Кто не эгоист? Ты? Верьял? Он прекрасно знал наши отношения с Оксаной, но встал меж нами. Это ли не эгоизм? Ну, а если встал, пусть стоит твердо и не перестает любить и после того, как узнает правду, нашу правду. Теперь узнал, теперь пусть любит, мешать не стану. Но я сомневаюсь в нем. Оксана, если ты меня все гонишь, я могу уйти и не появляться вовсе. Но напоследок посмотри мне в глаза и скажи: уйти мне или остаться?

ОКСАНА. Я верила тебя, ты всегда мне помогал, взял под свою защиту. С тобой я чувствовала себя сильнее. Даже скучала по тебе, когда тебя долго не было. Ты для меня был близким человеком. Зная мое прошлое, ты относился ко мне как к самой чистой девушке, но в то же время сам... Никогда не думала, что ты так со мной поступишь.

ШАБАЛИН. Прости, я из-за любви к тебе...

ОКСАНА. Уходи, Жора, и больше никогда не приходи. Все кончено. Теперь мне никто не нужен.

ШАБАЛИН. Не говори так. Я злой, подлый, но не конченный. Может я теперь совсем иной, неузнаваемо иной. Будь моей женой. У нас родится ребенок, и счастье будет, со временем может и любовь.

ОКСАНА. Какое счастье? Растоптал же ты его! Я не тебя, его люблю! Теперь же с твоей помощью я потеряла смысл жизни, не хочется и жить. Это все ты растоптал, разрушил, уничтожил, убил во мне ты всё, осталось только тело. Возьми же и его, что

тебе стоит! На скальпель! (*Протягивает Шабалину скальпель.*)

ШАБАЛИН (*вырвав скальпель*). Дай сюда, это тебе не игрушка. Без тебя – я никто. Ну хорошо, раз мне суждено только терпеть, тому и быть. Но слова, что я отнял твое счастье, терзают мое сердце. Я уйду, но не сразу. Твое счастье для меня важнее самой жизни. Скажи мне: ты меня простишь, если я верну тебе то, что отнял?

ОКСАНА. Ты не бог.

ШАБАЛИН. И не дьявол. Я человек, страстно жаждущий правду, справедливость, самые светлые чувства. Может эту правду я понимаю по-своему, но с сегодняшнего дня найду в себе силы жить твоею правдой. Подожди меня здесь, я скоро. (*Уходит.*)

Свет гаснет.

7 КАРТИНА. Вид пятой картины. Ночь. Солдаты спят.

ГОЛОС ВЕРЬЯЛОВА. Что, оборзел наряд, да? Почему спишь на тумбочке? Я не сплю, а ты спишь. Где дежурный?

Прибегает дневальный и поднимает Бегунова. Идет Верьялов, он пьян. У него в руках две бутылки водки, одна на половину опустошена.

БЕГУНОВ. Кто? Верьял, ты?

ВЕРЬЯЛОВ. Ты почему спишь во время наряда?

БЕГУНОВ. Где ты был? Ротный послал тебя искать. Ты что, пьян?

ВЕРЬЯЛОВ. Что, не нравлюсь? Вы же сами хотели меня таким видеть. Тот Верьял вам не нравился, этот Верьял тоже не нравится. Какой же Верьял вам по душе? Я тебя спрашиваю, товарищ младший сержант. (*Хватает Бегунова за грудь.*)

БЕГУНОВ (*сбив его руку*). Поаккуратней ты! Иначе как врежу – ноги протянешь. Иди ложись, ротный может зайти, дежурит он сегодня.

ВЕРЬЯЛОВ. Знаю. Иди настучи ему, что я пьян. Для тебя самый подходящий момент. Ты же давно хотел меня из хлебобрезки убрать, вот и настал твой день. Что стоишь, иди, настучи.

БЕГУНОВ. Я не стукач. Если захочу, я и по другому могу с тобой расправиться. Иди ложись.

ВЕРЬЯЛОВ. Подними дедов.

БЕГУНОВ. Тебе что, в лазарете не тот укол сделали?

ВЕРЬЯЛОВ. Дневальный, кричи: «Деды, подъем».

БЕГУНОВ. Кажись у тебя кое-где зачесалось. *(Хватает Верьялова за грудь.)*

ВЕРЬЯЛОВ. Убери свои лапы! И, пожалуйста, полегче со мной. Сегодня со мной говорите поласковее, иначе кое-кого убивать буду. *(Во весь голос.)* Шабалин где?!

Спящие солдаты поднимают головы.

ДАНИЛОВ. Санёк, что с тобой сегодня?

ВЕРЬЯЛОВ. Ты спи.

БЕЛОКОПЫТОВ *(проснувшись)*. Голоса бы тебя лишить. Такой сон прервал. С любимой бабой же нежился, и в самый сладкий момент ты... Ых! Пропади ты пропадом.

МУСТАФА. Вот почему кровать скрипела.

БЕГУНОВ. Не намочил ты там? Трусы меняй. *(Все смеются.)*

МУСТАФА. Товарищ сиржант, под кроватью лужа. *(Смех.)*

БЕГУНОВ. За целый год нанежился, видать. *(Смех.)* А ну тихо! Кто разрешил вам ржать? Спать, иначе всех подниму.

ВЕРЬЯЛОВ *(Белокопытову, указывая на бутылки водки)*. Встань, душу успокой.

БЕЛОКОПЫТОВ. Верьял, неужели это ты?

БЕГУНОВ. Верьял, ты что расставил? А ну убери!

ВЕРЬЯЛОВ. Не ты принес, не ты угощаешь.

БЕГУНОВ. Видать, истосковался по губе.

ВЕРЬЯЛОВ. Тебе-то что? Не тебя, меня посадят.

БЕГУНОВ *(в кубрик)*. Эй, духи, кто вам разрешил головы поднимать? А ну спать!

БЕЛОКОПЫТОВ. Бегунок, тащи посуду.

БЕГУНОВ. Правда угощаешь? (*Из-под подушки достает кружку.*)

ВЕРЬЯЛОВ. Садись. Сегодня особый день. Сегодня ваш праздник. Сегодня – день победы.

БЕГУНОВ. Точно крыша поехала. Ему в самом деле нельзя пить.

БЕЛОКОПЫТОВ. День победы, говоришь? Кто победитель, кто побежденный?

ВЕРЬЯЛОВ. Сядь, не спеши. И ты сядь.

БЕГУНОВ. Попадет же мне сегодня.

БЕЛОКОПЫТОВ (*садится*). Садись, Бегунок. Интересный разговор затеял он.

БЕГУНОВ. Духи. (*Пауза.*) Духи!

ГОЛОСА. Мы...

БЕГУНОВ. Вы не видели и не слышали. Поняли?

ГОЛОСА. Поняли...

БЕГУНОВ. Кру-гом! А теперь бай-бай. Солдат спит – служба идет. Дневальный, один на палево встаньте. (*Садится.*) Ну, день победы, говоришь?

ВЕРЬЯЛОВ. Я много видел и о многое обмозговал с переходом в вашу роту. И пришел к выводу, что жить надо по другому, не так, как прежде.

БЕГУНОВ. Ты как прежде и не смог бы жить, это было ясно с самого начала.

ВЕРЬЯЛОВ. По началу я отгонял эти мысли от себя, мне они были даже противны. Но по иному нельзя. Я пересилил себя и теперь я – ваш человек. В дальнейшем, как и вы, инакомыслящих буду давить, слабых уничтожать, над ними стану безжалостно издеваться, не думая о последствиях, буду стараться угождать некоторым тупым офицерам. Какое мне дело до других – я самый справедливый и достойный в этом мире, самый благородный. Я – вершина всего человечества, остальные все ничтожества. Они даже не люди, просто вещи. С вещами же можно что угодно делать. Что угодно делать, а потом оправдать себя, свои проступки. Кто такой Молодцов? Плохой парень, по вашему – чмо. Пусть он умнее и душевнее меня, я все равно отниму у него кусок хлеба, а потом его же изобью

за кражу хлеба. Кто для меня Данилов? Тоже чмо. Потому что думает не так, как я. Значит и его бить надо. Кто для меня Оксана? Подстилка. Пусть она такой из-за меня стала – сама виновата, надо было сопротивляться. Допустим сопротивлялась – кричала бы, звала бы на помощь. Я бы, конечно, не отпустил. У меня своя цель: насладиться вдоволь, позабавиться с ней. Что мне до её чести – лишь бы я удовлетворил свои мужские страсти.

БЕГУНОВ (вскочив). Прекрати! Я был не первым.

ВЕРЬЯЛОВ. Разве дело в том, кто первый? Дело в бездушии!

БЕГУНОВ. Если хотела нетронутой остаться, не надо было здесь устроиться. Знала куда пришла. Если пришла – сильнее будь.

БЕЛОКОПЫТОВ. На счет офицеров ты на меня намекаешь?

ВЕРЬЯЛОВ. Если догадался, зачем спрашивать?

БЕЛОКОПЫТОВ. Ошибаешься ты!

ВЕРЬЯЛОВ. Нет, потому сам начал разговор. Значит задело за душу, есть у тебя там внутри за что задеть. Это все ты тогда подстроил. Данилова дневальным поставил, за хлебом послал, Молодцова заставил х/б стирать...

БЕЛОКОПЫТОВ. Здесь такие вещи происходят ежедневно.

ВЕРЬЯЛОВ. И все в порядке на первый взгляд, никто не догадается кто за этим. А если что, Белокопытов чист. Ничего не скажешь, голова у тебя варит, желания Моисея аккуратно выполняешь. Моисей поставил перед собой цель проучить Верьялова, а может и засадить в дисбат – ты и приближаешь этот день. Не вы, а они настоящие люди. (Указывает в сторону кубрика.)

БЕГУНОВ. Выходит тебе тогда мало попало, надо было получше проучить.

БЕЛОКОПЫТОВ. Ты обвиняешь нас во всем грешном, думаешь в нас нет ничего святого. По твоему мы сами этого не чувствуем, нас не угнетает эта мысль? Нет, и у нас нутро рыдает. Поэтому что накипело там, внутри, чтобы не держать в себе,

частенько выплескиваем на них. Армия есть армия, здесь трудно всем. А ты никогда не задумался почему Моисей на тебя нападает? Или забыл когда однажды ему руку скрутил? Я хорошо помню, рядом проходил. Послал его на три буквы и...

ВЕРЬЯЛОВ. Я тогда от девушки письмо получил, настроение было подавленное. Она писала что замуж выходит. Тут оказался он. Я и не заметил его, я в тот момент никого не хотел видеть. Он же придрался и... Я хотел лишь про себя послать его подальше, у меня же вылетело вслух.

БЕЛОКОПЫТОВ. Ты – солдат, он – офицер. Здесь армия, все подчиняемся Уставу, ты это прекрасно знаешь. Тут много всякого, что нам не по душе. Нравится он тебе или нет, по Уставу, если рядом проходит офицер, ты обязан ему честь отдать. Там не сказано, что если у тебя нет настроения, можно и не отдавать.

ВЕРЬЯЛОВ. Я просил у него прощение.

БЕЛОКОПЫТОВ. Что дает ему твое прощение? Ну ударил он тебя тогда, а ты схватил и скрутил ему руку. Ты унизил его перед солдатами, в его душу плюнул. А комбат?... После этого комбат на каждом шагу ему подножку ставит, и выше капитана ему не подняться. И квартиру, предназначенную ему, начфину дали. Виновен ты, комбат же его обвиняет, потому что у него своя цель, не любит он его. И в нашу роту тебя не зря перевел, и в хлеборезку не зря поставил. Нет, это не победа. Ты ничем не лучше нас, может и хуже.

ВЕРЬЯЛОВ. Я, как вы, душу не продавал. Тебе, конечно, хочется быстрее в дембель, как только появится приказ министра, сразу, без отходняка. Чтобы угодить ротному, начал с меня. Завтра, если Моисей прикажет, перекинешься на него. (Указывает на Бегунова.)

БЕЛОКОПЫТОВ. Заткнись!

ВЕРЬЯЛОВ. Вы суки, беспрекословно подчиняющиеся своему хозяину.

БЕЛОКОПЫТОВ. Что?!

БЕГУНОВ. Моли бога, Верьял! (*Нападает на Верьялова.*)

БЕЛОКОПЫТОВ (*Бегунову*). Отвали, я сам. Он меня обидел, с сукой сравнил, перед духами опозорил.

*Белокопытов и Бегунов кидаются на Верьялова, дерутся.
Прибегает Шабалин.*

ШАБАЛИН (*встав между ними*). Всё, хватит! Отставить!

БЕЛОКОПЫТОВ. Уйди, Жора, я убью его!

ШАБАЛИН. Отстань! Чтоб никто не смел его трогать. Никто! Тронете, вам же хуже будет.

БЕЛОКОПЫТОВ. Он меня с сукой сравнил.

ШАБАЛИН. Значит заслужил. (*Верьялову.*) Пошли. Ты сейчас со мной пойдешь.

ВЕРЬЯЛОВ. Уйди! Никуда я с тобой не пойду.

ШАБАЛИН. Ты меня еще не знаешь, узнаешь – по другому заговоришь. Идем.

ВЕРЬЯЛОВ. Отстань от меня!

ШАБАЛИН. У нас мало времени. Быстрее!

*Шабалин пытается утащить Верьялова, тот противится.
Появляется капитан.*

КАПИТАН. Что это значит? Почему не спите? Ах, здесь пир. Кто принес? (*Верьялову.*) Ты что, пьян? Ты принес?

ВЕРЬЯЛОВ. Я.

БЕГУНОВ. Товарищ капитан, мы не пили. Он пришел подвыпившим и...

КАПИТАН. Наконец-то... В прошлый раз ты отвертелся, теперь же ты в моих руках. Теперь тебе не отвертеться. Что захочу, то и сделаю с тобой. Крышка тебе.

ШАБАЛИН. Товарищ капитан, он не виновен.

КАПИТАН. Он был на самоволке. Теперь вот пьян, затеял в роте пьянку.

ШАБАЛИН. Не он, а мы пьяны. Захмелевшие невыпивши, запутанные, павшие, потерявшие облик человека люди. Он трезвее нас всех.

КАПИТАН. И тебе довольно наглотать. Каждый день на самоволке, каждый день с бабами: с одной, с другой... Загоняя солдатский паек...

ШАБАЛИН. Вам бы прикусить язык. Не я, а вы транжируете наш паек, без стыда и совести, на наших же глазах. *(Вытаскивает деньги и кидает капитану под ноги.)* Вот возьмите ваши деньги, подавитесь. Сколько еще продавать, приказывайте.

КАПИТАН. Прекрати! Сейчас же обоих отправлю на губу. Белокопытов, сними с них ремни. *(Белокопытову.)* Ты что, не слышал?

ШАБАЛИН. Никуда я с вами не пойду и он не пойдет.

КАПИТАН. Ты еще будешь мне указывать? *(Пытается снять с Шабалина ремень, но тот хватает его руку и силой опускает.)*

ШАБАЛИН. Отстаньте от меня! Верьял, пошли.

КАПИТАН. Я тебя за это...

Капитан кидается на Шабалина и в один момент Шабалин вытаскивает скальпель и бьет им капитана. Капитан медленно падает.

БЕЛОКОПЫТОВ. Жора, что ты наделал?

БЕГУНОВ. Он его пырнул.

БЕЛОКОПЫТОВ. Дневальный, дежурную машину быстро к казарме!

КАПИТАН. Белокопытов, звони комбату.

Белокопытов обувается и бежит к выходу.

БЕГУНОВ. Быстрее матрац тащите. Товарищ капитан, потерпите чуток, мы мигом...

Солдаты уложат капитана на матрац и уносят.

ВЕРЬЯЛОВ. Откуда достал ты его?

ШАБАЛИН. Вот и все, кончилась моя служба.

ВЕРЬЯЛОВ. Ты его из-за меня?

ШАБАЛИН. Нет. Когда-нибудь что-то подобное должно было случиться. Все верно: твоя правда – истинная правда. Как же без нее? Теперь все будут счастливы, теперь никто из-за меня не будет страдать. Я теперь своим отсутствием буду

приносить людям счастье. Спасибо тебе за то, что встал против меня, за любовь к Оксане. Спасибо за то, что ты есть.

ВЕРЬЯЛОВ. Ты соображаешь о чем говоришь? О каком счастье ты говоришь, если перед тобой тюрьма? Это всё из-за меня... Дай сюда скальпель! *(Отнимает у Шабалина скальпель.)* Это я... Я пырнул ротного. Слышите?! У меня был повод: я его ненавидел, он – меня. Я конченный человек, отпетый негодяй. Не ты, я должен за все ответить. Все слышали? Я ударил ротного скальпелем!

ШАБАЛИН. Нет, я. *(Отнимает у Верьялова скальпель.)* Это все видели. Теперь слушай. У меня мало времени, скоро заберут. Ты сейчас пойдешь в лазарет к Оксане, она там, ждет тебя. Обо мне – ни слова, как будто ничего не произошло. Меня теперь меж вами нет, вы свободны.

ВЕРЬЯЛОВ. Нет, она тебя любит. Если и увлеклась мною, то лишь на миг.

ШАБАЛИН. Не время размышлять. Ей нужна поддержка, не оставляй её, люби и береги. До сих пор она не видела счастья, сделай впредь счастливой. *(Вытаскивает обручальные кольца.)* Вот кольца. Одно из них я купил ей, просил стать женой, она же отказала. Они мне больше не понадобятся. Возьми себе и одну подари ей от своего имени. Возьми, такую девушку ты больше не встретишь. *(Дает кольца Верьялову.)*

ВЕРЬЯЛОВ. Нет, так не справедливо. Так не должно быть, все должно быть по другому.

ШАБАЛИН. Торопись! Приедет комбат, тебе не уйти. Боюсь как бы Оксана не натворила с собой что-нибудь. Она сейчас в таком состоянии, что...

ВЕРЬЯЛОВ. Я поговорю с комбатом, объясню.

ШАБАЛИН. Беги! Сделай её счастливой! *(Выталкивает Верьялова.)*

Свет гаснет.

ЭПИЛОГ. *Ночь. Дорога. Оксана и Тамара идут домой. Им навстречу бежит Верьялов.*

ВЕРЬЯЛОВ. Оксана...

ОКСАНА. Сашка, ты? Ты ко мне?

ВЕРЬЯЛОВ. К тебе.

ОКСАНА. Неужели это правда? Или ты из жалости? Нет, Сашка, не из жалости же? Тамара, видишь, он здесь. Сашка здесь! Он сам пришел. Какое счастье! И оно в моих объятиях.

ТАМАРА. В данный миг это может быть и счастье.

ОКСАНА. Нет, не говори так, это ты из зависти. Не только миг, всегда мы будем счастливы. Правда, Сашка? *(Верьялов молчит.)* Пусть миг, ну и что? Лучше буду миг с любимым, чем вечно с нелюбимым.

ВЕРЬЯЛОВ. Оксана... Нет, не могу. *(Дает Оксане кольца.)* Вот, возьми.

ОКСАНА. Кольца? Мне?

ВЕРЬЯЛОВ. Тебе.

ОКСАНА *(Тамаре).* Глянь, кольцо мне. Даже не верится. Может оденешь? *(Верьялов одевает Оксане кольцо.)* Как красиво, сияет словно счастье. Это тебе. *(Хочет другое кольцо надеть Верьялову.)*

ВЕРЬЯЛОВ. Нет, не мне. Эти кольца Жоры. Это он просил их подарить тебе. Он хороший человек. Мы и представить не можем какой он хороший человек. Кольца пусть у тебя останутся. Это не значит, что я отказываюсь от тебя, но я... Я недостойн твоей любви. По сравнению с Жорой, я никто. Да, моя любовь сильна, его же во сто крат сильнее. Мне не стоило и сюда придти, я должен бы быть там на его месте. Сам же стою здесь, болтаю что-то, а Жора там из-за меня...

ТАМАРА. Что там у вас произошло?

ВЕРЬЯЛОВ. Он хотел меня куда-то увести, я отказался. Он все равно настаивал и стал тащить меня. В это время вошел ротный. Он грозился нас обоих арестовать. Но Жора не слушал его, все пытался меня увести. Ему во что бы то ни стало надо было меня куда-то увести. Ротный преградил путь, тогда Жора... Не знаю, откуда вытащил он этот скальпель...

ОКСАНА. Нет! Нет!

ТАМАРА. Ты говоришь неправду.

ВЕРЬЯЛОВ. Хотелось бы, чтоб все было неправдой, но к сожалению...

ТАМАРА. Он жив, капитан Моисеев?

ВЕРЬЯЛОВ. Тогда был жив.

ОКСАНА. Вот и конец счастью. (*Тамаре.*) Ты догадалась, оно длилось миг.

ТАМАРА. Может не конец? Может мы за счастье другое принимаем? Может счастье совсем в другом? Я пойду туда.

ОКСАНА. Подожди, и я с тобой.

Все уходят.

Занавес.